

Биокоsmисты.

Десять
штук

1923

37.60.9.1112

Б
И
О
К
О
С
М
И
С
Т
Ы

1923

Александр Яро-
славский, Имма-
нуил Линкст, Петр
Логинов, Ольга
Лор, Кирилл Чечкин,
Сергей Кочет,
Эрнст Эрн, Н. Рэм,
Аристарх Сер-
гиенко, Семен Ти-
хонов.

Д
Е
С
Я
Т
Ь
Ш
Т
У
К

Комитет поэзии
БИОКОСМИСТОВ-ИММОРТАЛИСТОВ
(Северная группа).
ПЕТРОГРАД
1923

И Д И О Т
К Р И Т И К И !

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Лейпциг
II 1966 акт РК -376/21

Александр Ярославский.

Небесная пекарня.

Небо — сипный калач,
А звезды — изюминок почки;
Вот вместе с ними луной запекали таракана.
В синей пекарне тепло
После выпечки жаркой дневной
Здесь на земле не видашь пекарей,
Что муку замесили.
Главный пекарь — сам Бог-Саваоф
— Примеряет он черный передник,
Что бы закрыть от людей
Заоблачных высей пекарню.
Только все же повсюду
Юркие, хитрые люди
В ночи дыру провертели
И сморят прожектора глазом.
Люди, давайте, отхватим у Бога
Свеже-испеченный сипный
С рассыпчатым звездным изюмом!
Будет тогда предовольно
На всю нашу нищую братью,
Эй, голытьба, собирайтесь
На штурм поднебесной пекарни!!!

Петроград, 1922 г.

Поджигатели неба.

Мрак замел хвостом крысиным
Холм и небо и овраг...
Брызнем в дали керосином,
Что б огонь вился как флаг!
Эта ночь, — как черный клейстер,
Серых душ качнем качель!
— Поджигатель, как брандмейстер,
Закричит на каланче...
Встаньте воры, киньте норы!
— Больше нет оплывших свеч!
Вот луна, — как желтый ворон...
— Это небо нужно сжечь!

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

Ждать идохнуть—нестерпимо,
Лучше—пламя в лунный пуп!
Разожем надзвездный примус,
Что б расплавить млечный пуп!
Всех—из чортовой геены
И из райских глупых дыр—
Поджигатели вселенной
Всех зовут на вкусный пир!
Жить в пошемках всем навозно,
Суета для всех—урон
— Так скорей же чортов космос
Подожжем со всех сторон!

Над городом.

Люди по улицам ходят
Чинно, солидно и важно,—
Иные бегут суепливо,
Как муравьи по песку.
Если взлететь над столицей
На «Авро» на тысячу метров,
Вовсе тогда не увидишь
Сверху ни тех, ни других.
Только дома, как игрушки,
Прижмутся друг к другу так плотно,
Что даже их еле видно
В квадратиках шахматных улиц.
Если же в бак накачают побольше бензина,
Можно набрать высоту—
И внизу улыбнется сплошное,
Точно урок географии,
В гимназии, где двойки боишься!
Город покажется планом
И картою с крупным масштабом...
Как это странно, что здесь воп
На карте, похожей на ту, что висела
В гимназии, в актовом зале,
И на которой так трудно
Найти и Житомир, и Рио-жанейро,
Есть и топ дом, где живуи мой близкие люди,
Есть и квартал, где любимая мною живет
Как это странно,
Что стоит нажать рукоятку—
И распадается карта—
И город я вижу родной.
Может быть также и вечность—
Громадная синяя карта
Станет родной и живой,
Если ближе мы к ней подойдем?!

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

Блеск утопий.

Про блеск утопий в болоте быта,
Блестя, лукавит мой ломкий стих,
Тоска забита и смерть забита,
Тоска—корыто для тех, других...,
Нам много надо! И лучше надо ль?
А дальше видно еще, еще...
Ломают сспены, что б сбросить пададь,
Что б в лавке будней свершить расцеп,
Приказчик смерти всегда неряшлив,
Приказчик смерти всегда сонлив,
Но скоро выйдут другие наши
— Свеплей и жарче чем солнц разлив!
И быдло будней и быта мусор
Пусть смерть, как дворник, скорей, — в навоз!..
От скользких истин, от взлетных вкусов
В величье вскинем хрустальный мост!

5 Января 1922 г., Мал. Вилера.

Критике в морду.

Плюнем разом
Критике в морду!—
Степан Разин,
Плюнул бы так!
От душащих спазм
Будней аорту
Вскроем ножами
Буйных ватаг!
К чорту починки!
К чорту корыто!
Заново—солнце!
Заново—все!
Пусть сдыхают
Ассенизаторы быта—
Ими ли тронется
Будней серсо?!
Собакой сумеем
Вселенную вызлить,
Добрыней сумеем
Горыныча бить!
Готовьте сердец
Стосильные дизели
Спасать!- Ненавидеть!

Любить!
По Миру густо
Пошлость размазана—
Смотри же, критик,
Смотри!—
Вот, мы—потомки
Степана Разина
Сердцами—
В костер зари!
Ведь узел чудес
Сегодня развязан
И бунт перелетный
Стрельчат—
Когда говорят
Эдиссон и Разин,
Тогда идиоты
Молчат!

Ноябрь 1922 г., Петроград.

Иммануил Линкет.

Король семи планет.

Мне, королю семи планет,
Немыслим в жизни звон отказа,
Мне непонятно слово «нет»,
Когда, как руль—высокий разум!
О, нерожденное дитя—
Мечта безумца Метерлинка,
Тебя живущие взростят
Из тины будничного рынка!
Восторг не обрывает роз,
Восторг всегда на подвиг взвихрен,
И если вы ушли в навоз,
То мной открылся синий выход.
И если в прошлом миллиард.
Исчез, погиб, как сонм несметный,
То пусть векам скандует бард,
Что жив король семипланетный.
Мне, королю семи планет
Немыслим в жизни звон отказа
— Взрываю к солнцу слово «нет»
Испепеляющим экстазом!

Петроград, Сентябрь 1922 г.

В КОЛЛЕКТИВ.

Кровь минут в жилах дня не застыла
И игольчато жадность звенит;
Почему же у губ моей милой
Тень запрета бесцельно следит?
Выйдет ласка в терновой короне,
Как смешной и хороший Христос—
Кто то новые слезы уронит
На усталости ветхий откос...
Эта жизнь,—точно лес многоствольный,—
На всегда хороша и пышна,
Если люди—шумливые пчелы
— Наполняют свой улей до дна..
Ах, не нужно же бóльшее трогать—
Ведь расчищена старая гать!
— Хорошо с миллионами в ногу,
Как солдату в парадах шагать!
Ведь дано же откуда то жить им
В плесках солнц и укусах чумы..
— Хочешь, завтра безтрепетно выйдем,
С миллионами серых, и мы!

Ноябрь 1922 г., Петроград.

Петр Логинов.

Время аршином.

(Энштейну).

Время мерьте аршином!
Столько-то верст веков!
За шуршащим судьбы кринолином
Скрыт бессмертия пышный альков...
Сколько аршин осталось
Пройти мне по треку лет?
— Ты подынешь иль нет забрало,
Некто в сером, что-б дать ответ?
— Что же, выйду на жизни форум
Суегливой толпе прокричать,
Что со всех сокровеннейших формул
Уже сорвана кем то печать!
Только жизнь все-ж мила одна мне:

Трехмерная, /здесь, внизу...
Пусть мозги суетятся програмней,—
Все же дни муравьями ползут!
Так ведь мало хотел Шершеневич:
Папирос и немножко любви—
Что-ж я лгу, будто я королевич,
Что-б из слов кренделей навить?!
Может я, средь людской мешанины
Также робок в делах своих—
Пристегиваю свой аршины
К миллионам метров чужих...
Чем же я, чем же я виноватей,
Если в мире, залипшем в крови,
Я хочу трехмерных об'ятий
И трехмерной, простой любви!

Флирт в Москве.

Лиловой тканью зазмеился небосвод.
И синий мрак подпер щеку заката.
День, погребенный в мусоре зевот,
Обкраденным ушел аристократом.
Бледнела кумачевая щека
И вот уже, как будто для потехи,
Выходит ночь игриво пощелкать
И звездные и лунные орехи.
Громадный, темно-синий тусклый таз
Висит над миром тяжкий и далекий
Вчера с него струя дождливая лилась,
Как кухонные жирные потеки.
Как будто кто-то в небе небо мыл
И шваброй тер закопченные дали.
Как тысячи язвящих тонких пил,
Сейчас в оркестре скрипки раздражали.
Ансамбль любви, скажу на перечет,
Он страшно прост, несложен, и не тонок:
Я целовал и губы и плечо,
И был доволен, как весной—теленоч...
И так всю ночь, до брезжущей зари—
Такой невинно—девственно—лиловой,—
Когда заря с зарею на пари.
Готова снова день отметить новый.
Свежо немного... Головная боль,

Иду по улице раскидистой походкой.
В итоги счастья вписан лишний ноль
И дробен шаг нетвердый и нечеткий..
Грохочет деловито ломовой:
Уж слышен звон вокзального трамвая
И вот уж под завесой заревой
Раскинулась умытая Тверская.
Угрюмо раскрываю кошелек:
Сто пятьдесят,—как раз; ну что-ж, чудесно!—
Сажусь в трамвай; звонок, потом толчек—
И еду спать к себе домой на Пресню.

Ольга Лор.

Завещание.

Мальчик мой, ты не умрешь!—
Я не смерти тебя родила—
В смерть вонзаю я разума нож,
Что-б взорвалась могильная мгла.
Может мне не уйти от сетей,
Только все же победам лишь верьте:
Для тебя, для миллионов детей
Мы добудем, добудем бессмертье!
Что бы спать в колыбельке ты мог,
Я тебя, мой родной, успокою:
Смерти бог—отвратительный бог
Ниспровергнут рассудка рукою!
Я не знаю разломан ли круг,
Всех ли мраков разбрызгали стаю..
Только знай,—даже, если умру—
Я бессмертье тебе завещаю!

Смерти.

Как может быть, когда люблю я,
Что-б смерть любимого взяла?—
От радостного поцелуя
Его в ничто не скроет мгла!
Пусть жизни звонкому трамваю
Звенеть, звенеть во все края!

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

Ты слышишь, смерть: я запрещаю
Смотреть на милого, как я!
Так злись больней, так плачь сугубей!
Копи, копи могильный гной;—
Старуха, он тебя не любит,
Он здесь останется со мной!
Кладбища, бойтесь женской мести!—
Не мной ли в блески жизни верть?
Я с Кюри-Склодовскою вместе
Вонзаю гордо радий в смерть.
Пусть радость—радий смерти в груди
Швырнет бессмертие без смет!—
Запомните, живые люди,
Биокосмический завет!

* * *
Запомните, сонные люди,
Усталые от скучных зевот:
Если смерти не будет,—
Просто радость придет!

Кирилл Чечкин.

Вместо церквей уборные.

Упрямые и упорные—
В жизни праздничную проложим тропу:
Вместо церквей—уборные
И покорности тихой—капут!
Не хватает живым ночлежек—
На вокзалах валяются, как скот;
Глаз мой до боли режет
Этот купол и крест вон тот.
Неужели и я послушен?—
Неужели и я, как все,
Не желаю в церквях конюшен,
Что-б с тоской в небесах висеть?!,
Размечу я мечты кулоны,
Точно хлипкий и хлевный хлам;
— Пусть первые—и здесь Наполеоны—
Выступаю по их следам!

Если жизнь так тесна и убога,
Если тягостен узел дней,
То, Господь, потеснитесь немного,—
Пропустите усталых людей!
В динамитном свершений дыме,
В пироксилиновой игре минут
То что наше,—мы сами отнимем,
Что-б создать и комфорт и уют.
Обломаем у времени жало,
Соберем недовольства улов—
Выходи-ка, бедняк, из подвала
На штурм церквей и двorcов!

Сергей Кочет.

Паника смерти.

Звонкой жизни делегаты
В ставку смерти держат путь;
Прытких праздников пираты
Занавесят быта муть
Мглою вскормленные черти—
Мутных мраков пастухи—
Стали в ряд у ставки смерти,
Что-б весь день пасти грехи.
А грехов большое стадо,
По примеру всех свиней.
Все бежит куда не надо,
Вдоль всех адовых аллей...
Но на слово скуповаты,
Все-ж в чистилище спешат
Жаркой жизни делегаты,
Что-б пройти в сугубый ад.
Слишком прыток бег их скорый;
В ставке смерти разговор,
Что, де мол, явились воры
У почтенных адских нор!
В непредвиденном ознобе
— Жуть и холод ведь для всех—
Ходит смерть в стихийной злобе,
Прижимая к сердцу грех:
«Что же будет, что же будет,

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

(Здесь сам чорт не разберет!)
Если эти черти—люди
Даже мне дадут расчет!»
Прытких праздников пираты
Не застрянут на мели!—
Звонкой жизни делегаты
Все в бессмертие вошли!

Эрнет Эрн.

Планетной Дульцинее.

Женщины дальней планеты
Такие как здесь или нет?
Нужно-ли к ним пешеходить
По космоса лапам?
Может быть здесь попытаться
Затеплить сердца и граниты—
Может быть просто на Невском
Найти мне сегодня Альдонсу?
Нужны ли эти полеты,
Ракетой в планетные страны,
Если так солнечно просто
Можно любить на земле!?
— Все же укусами снов
Искусано сердце живущих—
Снова и снова порыв
Влечет к Дульцинее планетной.
Может быть нет на земле
Ничего Дон-Кихота прекрасней,
Вот и поэтому мы
Мчимся за рыцарем львов!
Что ж, неужели, как он,
Там, за космической гранью,
Будем безумья копьем
Мельницы снова пронзать?!
Женщины дальних планет,
Вы ведь мудрей Дульцинее—
Знаю на завтра вы к нам
Легкий направите шаг!

ПРИМЕЧАНИЕ: по недосмотру корректора под стих. Кирилла Чечнина „Вместо Чернаей уборные“ стр. 10—11 пропущена дата: 1916 г.

На стр. 3-й 1-я строка сверху напечатано «Ярославсей» — чит *Ярославский*.
Редакция.

Н. Р Э М.

Б л е в о к.

Рыгнем с восторгом лошадиным
 На вашу сыть, на вашу стать!
 Ужель, восторженным кретинам—
 Вселенную не заблевать?
 Вы веселитесь беззаботно
 И так проходит день за днем;
 А мы на мир взираем рвотно,
 А завтра—завтра мы блевнем!
 Да, мир прекрасней всех полотен!
 Всех Тицианов и Анджел,
 Когда жемчужиной блевотин
 Он ограненно прозвенел!
 Пускай стоит земля нагая,
 Роняя менструаций след,
 Когда, икая и рыгая,
 Рожает истину поэт.
 Пути свершений всем отлоги,
 А быту—за верстой верста,
 Но физиология физиологий—
 Заднепроходная мечта!
 Прислушайтесь к собратьев лаю,
 К их плеску в водах вешних луж
 Я на прямой кишке сыграю
 Себе и солнцу бодрый туш!
 Лишь мне дано свершений хлебы
 Всем разделить, восстав от сна—
 Я десять лет уж в бане не был
 И—ароматен, как весна!
 Погрязнуть мне ль в событий хламе?
 Иль брызнуть в мир мечты струю?
 — Живу как все, блюю стихами
 И даже вообще блюю.
 Живу здоров и беззаботен,
 Вонзивши в быт мечты маяк.
 В водовороте всех блевотин
 Всегда первейшая—моя!
 Гляжу, с восторгом лошадиным,
 На нашу сыть, на нашу стать—
 — Ужель подобным исполинам
 Вселенную не заблевать!

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

Аристарх Сергиенко.

Декларация блага.

Смерти дырявый череп
Прострелен сомненья пулей.
Жизни кайенский переп
Нужно ли слабым сжулить?
Нужно ли новых благ нам,
Нужно ль опять океанов,
Если бессмертья флагман
Старше судьбы капитанов?
Нам ли слушать седых адмиралов —
Многоопытных данников прозы,
Если из жизни провалов
Вырваны все угрозы;
Если на жизни праздник,
Точно на светлой трапезе,
Из сомнений разных
Все таки радость лезет —
К сведенью всех вооруженных:
Жизни предвечный автор —
Радости медвеженок
Всех запелует завтра!
Акушерка судьбы, от аборта
И тебе самой не уйти,
Если радости первого сорта
Расцветают на нашем пути —
Будет солнце на нашей заявке,
Без никчемных ночных помех! —
Саваоф, ведь в веселья лавке
Вход свободный сегодня для всех!

Семен Тихонов.

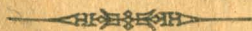
Лавочка бессмертья.

(Венской буржуазии).

Над смерти мудростью совиной
Восстал бестрепетно Штейнах
И бодро рослые кретины
Несут бессмертие в штанах!

БИОКОСМИСТЫ ДЕСЯТЬ ШТУК.

Когда я раньше видел гнусных
В полотнах жизненных зевот,
Я думал радостно и вкусно:
«Быть может завтра он умрет!»
Теперь и этого нельзя мне,
И эта застлана тропа!
В озерах жизни — муть и камни,
Кретинов вечная толпа...
Уже сегодня жирный Мюллер,
Колбасами питая сыть,
От колик ерзая на стуле,
Решил бессмертье купить!
Ах, слов так мало трех'этажных,
Что б выругаться чорта злей —
Он взял засаленный бумажник
Своих колбасных барышей —
Проклятье пошлости и праху,
Что жабью жизнь в бессмертье взвил!
— Ганс, не спеша пошел к Штейнаху,
Поторговался и' купил!
Плевка подобного, поверьте,
Страшней ничто не может быть —
Ведь Ганс, подумайте, бессмертен! —
Он не умрет, а будет жить!
Пусть бунта гневную крамолу
Скорей швырнут в лицо судьбе —
О, человеческая сволочь,
Ужель бессмертье тебе?!

ЛИТЕРАТУРА Сев. группы БИОКОСМИСТОВ-ИММОРТАЛИСТОВ.

Вышли из печати:

1. **Бессмертие**, орган Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов (Северная группа), № 1, Петроград, 1922 г.
2. **Биокосмисты** десять штук объединенный сборник. Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов, Петроград, 1923 г.
3. Александр Ярославский—Плевок в Бесконечность. (Владивосток, 1917 г.). (Распродано).
4. Его же—**Кровь и Радость**. Издание Культпросвета партизанских отрядов—Каландаришвили, Иркутск 1919—1920 г.
5. Его же—**Окровавленные Тротуары** (распродано), 1921 г.
6. Его же—**Причесанное Сердце**, Чита, 1921 г.
7. Его же—**Сволочь-Мосива** (распродано). Издательство «Супрадины», Москва, 1922 г.
8. Его же—**Грядущий Потоп**, поэма (распродано).
9. Его же—**Поэма Анабиоза**. Издание Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов, Петроград, 1922 г.
10. Его же—**Святая Бестиаль**. Издание Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов, Петроград, 1922 г.
11. Его же—**На Штурм Вселенной**. Издание Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов, Петроград, 1922 г.
12. Его же—**Миру Поцелуй**. Издание Комитета поэзии Биокосмистов-Имморталистов, Петроград, 1923 г.

Готовятся к печати:

1. **Бессмертие**, Орган К-та поэзии Биокосмистов-Имморталистов (Северная группа), № 2-3.
2. **Бюллетени** Комитета Бессмертия и Космоплавания, под редакцией Александра Ярославского.
3. Профессор Штейнх, **Новые материалы по омоложению**.
4. Академик Цялковский **Проект междупланетного корабля**.
5. Ассистент профессора Бахметьева, Коровин. **Регенерация**.
6. Его же—**Воспоминания о Бахметьеве**.
7. Александр Ярославский. **Революция счастливых**.
8. Его же—**Биокосмическая поэтика** (теория).
9. Его же—**Философия Биокосмизма**.
10. Его же—**Супрадинамика**.
11. Его же—**Эгоистический Манифест**.
12. Его же—**Стихи для мещан**.
13. Его же—**Биокосмическая Проза**.
14. Его же—**Великолепное призрение**.
15. Его же—**Perpetuum mobile**.
16. Его же—**Рассказы о грядущем**.
17. Его же—**Во имя радости**.
18. Его же—**Ивашки** (Идеи и Бессмертию).
19. Его же—**Из плена**.
20. Его же—**Нежность**.
21. Его же—**Петля над бочкой**.
22. Его же—**Улыбка Лобачевского** нбеса в 3-х актах.
23. **Автомобиль** прометея, объединенный альманах Комитета поэзии Биокосмистов, под редакцией Александра Ярославского.
24. **Биокосмисты**. Еще 10 штук.

309 2155
37.60.9.111 а

Фиша

